

**ЕГОР ПЕТРОВИЧ
КОВАЛЕВСКИЙ**

**ПУТЕВЫЕ
ЗАПИСКИ
О СЛАВЯНСКИХ
ЗЕМЛЯХ**

Москва
T8 RUGRAM
2019

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К56

Ковалевский, Е. П.

К56 Путевые записки о славянских землях / Е.П. Ковалевский. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 148 с. — (ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ).

ISBN 978-5-521-77159-2

«Ничто так не развивает ум, как путешествие», — говорил Эмиль Золя, понимая, что мало какие ощущения могут сравниться с открытием неизведанных уголков, далеких и близких, на нашей Земле.

На протяжении всей истории человечества путешественники считались героями, странниками, оставляющими привычный уклад жизни и отправляющимися в неизвестность. Стремление к дальним горизонтам, к неизвестности, лежит в основе человеческой природы, а наиболее успешные — или наиболее авантюрные — попытки покорить неизвестные дали неизменно вписываются в список величайших свершений. Будь то доисторический абориген на хлипком судне, античный мореплаватель, средневековый торговец, просвещённый гуманист семнадцатого века или полярный исследователь века двадцатого — все они составляли когорту великих странников, устремленных в неизвестность. Их истории, воспоминания и жизни — образцы высшего проявления человеческих возможностей и человеческого духа.

Серия «ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ» — способ познакомиться с историями многих великих географов, первооткрывателей и исследователей, узнать больше об их жизнях, переживаниях и свершениях.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС WTL
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77159-2

© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

ГЛАВА I

Вид на Триест с «Общины». — Внутренняя жизнь города. — Впечатление, оставленное им. — Плавание по Адриатическому морю на пароходе и парусном судне. — Лессино. — Зара в древние, средние и новые времена. — Население и управление Далмации. — Католики и православные. — Расставанье с Зарой наших моряков.

Много раз, в различное время года и дня, при восходе солнца и при закате его, в ту пору, когда мириады звезд кропили своим трепетным блеском усталую землю и когда яркое солнце обливало ее потоком лучей, — много раз подъезжал я к Триесту, после скучного сухопутного переезда от Вены, и всегда, поднявшись на вершину «Общины», останавливался невольно, пораженный чудной картиной города, раскинувшегося у подошвы и на скате горы, и безграничного моря, то тихого и гладкого, как стекло, то бурного и пенящегося у своих берегов, одинаково величаво-

го и прекрасного, особенно когда подъезжаешь с материка и глаз еще не привык к этому зрелищу.

Море так близко и приветливо ластится к городу, небо такое ясное, голубое, итальянское, воздух так легкий и наполнен свежестью садов и воды, что Триест, когда глядишь на него сверху «Общины», представляется самым благодатным, полным мира и счастья городом. Не то, когда въезжаешь в него: вас прежде всего поражает эта суетливая, полная труда и заботы жизнь, которую вы встретите в каждом торговом городе, а Триест — торговый город по преимуществу, и только торговый! Биржа заменяет все интересы; упадок цен на пшеницу или повышение курса волнует его более, чем какое-либо политическое событие, не имеющее влияния на его торговую деятельность; Ллойд — душа города. Я уже сказал, что посещал Триест в различные эпохи; останавливался в его великолепной гостинице, когда она носила с гордостью на своей вывеске могущее в то время имя Меттерниха, и тогда, когда эта вывеска, сбитая и втоптанная в грязь, была заменена другою, с именем «Национальной гостиницы». Но все это было только наружное и частное изменение; это была слабая дань, заплаченная времени и обстоятельствам. В 1848 году, как и прежде, как и после, Триест заботился только о своих торговых интересах; за них страшился он приближения итальянского флота и итальянской революции; ради них он льнул более к правительству Австрии, чем к своей национальности, если только у него есть национальность: Триест — самый космополитический город в Европе.

Впрочем, и в этом, по преимуществу меркантильном городе есть нерв, трепещущий не от одних торговых побуждений, есть чувство, готовое откликнуться не на один биржевой призыв и вздрогнуть не от одного известия о банкротстве какого-либо огромного дома. В Триесте есть часть населения, незначительная числом, но важная по богатству, а следовательно, и по влиянию; время от времени она приходит в большое волнение, образует кружки, перешептывается с таинственным видом, толкует с капитанами и шкиперами кораблей, делает между собой денежные сборы, — это население греков, население славян православного исповедания. При первом известии с Востока, при первой пробудившейся надежде на освобождение своих единоверцев от ига, тяготеющего на них, они готовы пожертвовать своим достоянием, которое с таким трудом нажили, чтобы доставить средства для дела общего. Надо было видеть их энтузиазм в столь памятный для всех, преданных своей вере и своей истории, 1853 год!

Жизнь человеческая слагается под влиянием времени и разных внешних обстоятельств точно так же, как кора земная; по напластованию и числу горных пород можно узнать древность формации и те геологические перевороты, которые сопутствовали ее образованию. Впечатления, оставленные во мне жизнью в Триесте, конечно, более зависели от обстоятельств, окружавших меня, чем от внешней обстановки самого города. Здесь бывал я в пору моей первой молодости, бывал и в последнее время; в то время, когда весь интерес города — после

торговой деятельности, конечно, — ограничивался любовными интригами В. или похождениями танцовщицы Мевуд и когда политические бури, потрясавшие Европу, грозили и самому Триесту; я видел здесь половину поколения, прошедшего мимо меня; богатые торговые дома — обанкротившимися и новые, воздвигшиеся на их развалинах; видел женщин, красотой которых некогда восхищался, покрытых морщинами, и их дочерей в полном расцвете красоты, но ими я уже не восхищался. Правда, случилось еще кинуть на отходивший от пристани пароход свою шинель, чтобы прикрыть ею женские плечи, продрогшие от внезапно налетевшего холодного ветра; но ветер ли был причиной, ослабевшая ли от времени рука, только шинель не достигла парохода и упала в море...

Что оставил в моем воспоминании Триест, кроме чудного вида с «Общины», глубоко врезавшегося в память? Во-первых, ту ничем не изгладимую с сердца сцену, когда сотни наших матросов с трех военных судов, застигнутых объявлением войны в Адриатическом море, должны были оставить их и сухим путем отправляться в Россию. Только родину свою могли бы эти люди оставить с таким горем, как свои суда, с которыми расставались навеки... Потом, запах смолы и корабельных снастей, тысячи судов в гавани и сотни полицейских на пристани... Вот, кажется, и все, что осталось в памяти от Триеста! Здесь даже нет обычных в итальянских городах чичероне, которые бы вам показали несколько выросших в землю камней, выдавая их за знаменитые римские раз-

валины, и вы сами должны отыскать эти местные памятники древности.

Впрочем, и то сказать, Триест более не итальянский город. Итальянцу здесь все чужое — и правительство, и законы, и язык, на котором распоряжаются австрийцы. Еще менее можно назвать Триест городом немецким: здесь ничто не любит немцев, и самое небо, голубое и ясное, небо итальянское, стало чаще хмуриться в последнее время.

Теперь переезды из Триеста морем легки и удобны; но в 1836 году я еще переезжал Адриатическое море на трабакуле — купеческом парусном судне. Невозможно себе представить, каким затруднениям подвергалось тогдашнее плавание, не говоря уже о случайностях всякого морского путешествия па парусном судне. Это несчастное судно не могло свободно пристать ни у одного берега, хотя бы экипажу его нечего было есть: таможенные постановления, а еще более карантинные, были для него неумолимы. Попечительность правительства о благосостоянии здоровья своих подданных всегда находила возможность не допустить или затруднить доступ корабля в свой порт, если он не туда первоначально предназначался, под тем предлогом, что он мог коснуться в море другого судна, шедшего с Востока; это именно сделали и с нами, несмотря на то что у нас на судне оставалось очень мало съестных припасов и еще менее воды, так как мы пробыли в море, по случаю противных ветров, гораздо долее, чем предполагали. Конечно, облегчительные меры и вообще некоторая свобода таможенных и особен-

но карантинных постановлений послужили столько же, сколько и применение паров, к развитию торговли и пароходства в тех громадных размерах, до которых они дошли в наше время. Это, впрочем, было мое последнее плавание на парусном судне. В том же году я возвратился уже на пароходе Ллойда.

Пароходы Ллойда невелики и некрасивы, но довольно удобны; осторожность капитанов, управляющих ими, доведена до излишества, и, сколько мне известно, не было ни одного несчастного случая на этой линии. Капитаны и их экипажи почти исключительно далматийцы или из Бокко ди Каттаро, православного исповедания, и потому немногие русские, которым случилось посещать этот край, пользовались у них особенною заботливостью — разумеется, если не было на пароходе какой-нибудь австрийской власти, которая бы следила за сношениями капитана с иностранцами. Вообще служащие на пароходах Ллойда возбуждают подозрение и недоверчивость правительства.

Пароходы, идущие из Триеста в Каттаро, почти нигде не теряют из виду берегов Далмации, которые чрезвычайно живописны и далеко лучше противоположного низменного и унылого берега Италии. Один Корнеро пугает мореходцев. Это залив, заканчивающий плодотворную Истрию и служащий началом скалистой Далмации. Он окружен высокими горами Мажоре, которые сливаются с цепью Велебича, имеющего 5439 футов высоты. Постоянно сильные ветры, нередко превращающиеся в бурю, господствуют в Корнеро, который

вполне оправдывает свое название (Core nero — черное сердце). К счастью, переезд через него не более двух часов на парохоме.

В первый раз паромост останавливается в Лессино, но только на полчаса. Это небольшой городок, тысячи в две с половиною жителей, но очень богатый. Многие из его жителей имеют по несколько своих судов.

Затем часу в четвертом вечера на другой день, т. е. часов через сорок восемь по выходе из Триеста, приезжают в Зару, где ночуют, и часу в сороковом уже отправляются далее.

Зара — главный город Далмации, Рагузы и Боккоди-Каттаро, местопребывание генерал-губернатора и средоточие управления этих провинций. Город в живописном местоположении; залив как-то особенно приветливо обгибает его и служит отличною гаванью; за ним возвышаются амфитеатром гряды гор; на противоположной стороне загородные дома, разбросанные деревья, которые в марте месяце уже покрываются цветами; вообще здесь не знают зимы с ее снегом и холодом. Но если хотите сохранить добрую память о Заре, то не входите в нее: здесь уже отзывается Востоком! Все свидетельствует вам о некотором значении и богатстве города в древние и даже Средние века и ничтожестве, грязи и бедности настоящего времени. Зара, известный в древности под именем Ядера и потом Диодра, был главным городом Либурнии, которая простиралась от реки Теда-ниуса до Тициума, нынешних Цермагне и Керки. Город еще носит следы владычества Рима, но их уже надо оты-

скивать; древние остатки заделаны в средневековые и даже новые здания; иные собраны в частных коллекциях; наконец, несколько древних обломков вросло в землю и заглохло в траве. Одно здание уцелело: это, по словам Фарлата (*Illuticum sacrum* ч. 5, стр. 3), древний храм Юноны, но он до того застроен новыми зданиями, обезображен и завален разным хламом, что нет возможности составить себе какое-либо о нем понятие.

Зато владычество Венеции отразилось неизгладимо здесь, как и по всему берегу Адриатики, Толстые стены укреплений Зары стоят непоколебимо; это правда, что они поглотили много камней из древних римских зданий; но зато обратите внимание на главные городские ворота на восточной стороне: это рисунок Сан-Микели, приведенный в исполнение его учеником и племянником Жироламо, если не ошибаюсь. Соборная церковь построена в XIII веке знаменитым Дондолой — по взятии Зары соединенными силами Венеции и Франции. К сожалению, Венеция повсюду оставила, рядом с следами своего могущества, богатства и силы, свидетельства своей тирании. В Заре на *piazza delle erbe* возвышается еще и теперь колонна коринфского ордена с кольцом для цепей и иссеченным на ней крестом: к этой колонне приковывались обвиненные, выставляемые на позор, прежде совершения над ними казни. Некоторые говорят, что колонна служила местом убежища для преступников; кто достигал ее и успевал стать под крест, тот считался неприкосновенным под сенью его; но, как известно, местами подобных убежищ служили только паперти извест-